

– тоўк – ляскаў – званіў: Тоўк у бубен, ляскаў у талеркі, званіў шамкамі, прыцмокваючы языком, гонячы перад сабой ачмурэную чараду гукаў... (В. Вітка. Баравіцкія музыкі);
– парыпаў – пабрэнкаў: Гэта не тое, што парыпаў гармонік, пабрэнкаў у талеркі барабаншчык... (В. Вітка. Баравіцкія музыкі);
– грывнулі – рэзнулі – жарнулі: У Ніжнія Байдуны ўехалі поўныя сані-развалы музыкаў. Гармонік, скрыпка, бубен і кларнет... Гривнулі, рэзнулі, жарнулі – як хочаш гавары, а да таго ж яшчэ закурыкалі (Я. Брыль. Ніжнія Байдуны).

Відавочна, што прыём градацыі, выкарыстання дзеяслоўных радоў таксама ўдзельнічае ў стварэнні вобраза таго ці іншага персанажа і перадае адпаведныя аўтарскія ацэнкі. Гэта дазваляе раскрыць індывідуальныя рысы асобы літаратурнага персанажа, яго фізічны, духоўны вобраз, абмаляваць яго псіхалагічны партрэт.

Як бачым, дзеясловы з агульнымі семамі ‘танцаваць’ і ‘іграць на музычным інструменце’ ў мастацкім творы – яркі сродак вобразнай канкрэтызацыі маўлення і адначасова адзін з вербальных сродкаў фарміравання аўтарскай моўнай карціны свету.

Такім чынам, вывучэнне дзеяслоўнай лексікі і яе канатацыйнага патэнцыялу мае вялікае значэнне для развіцця семантычных даследаванняў і ў цэлым для лексікаграфіі, да таго ж вывучэнне лексічнага багацця мовы непарыўна звязана з вывучэннем культуры народа, яго светаадчування. У беларускай мове існуе багатая сістэма дзеяслоўных сродкаў, якія шырока і ўмела выкарыстоўваюцца майстрамі мастацкага слова. Увядзенне ў мастацкі тэкст дзеяслоўных адзінак з пэўным канатацыйным патэнцыялам абумоўлена семантыкай слова і асаблівасцямі мовы і стылю пісьменніка.

Бібліяграфічны спіс

1. Виноградов, В. В. Современный русский язык / В. В. Виноградов. – М. : Б., 1938. – Вып. 2. Грамматическое учение о слове. – Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. – 591 с.
2. Старичёнок, В. Д. Метеорологический континуум вторичных глагольных номинаций / В. Д. Старичёнок // Русский язык: система и функционирование. К 80-летию филологического факультета БГУ : материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 26–31.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. – Мінск : Гал. Рэд. Беларус. Сав. Энцыкл., 1982. – Т. 5, кн. 1 : С – У / [рэд. тома М. Р. Суднік]. – 663 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. – Мінск : Гал. Рэд. Беларус. Сав. Энцыкл., 1979. – Т. 3 : Л – П / [рэд. тома П. М. Гапановіч]. – 672 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. – Мінск : Гал. Рэд. Беларус. Сав. Энцыкл., 1978. – Т. 2 : Г – К / [рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – 768 с.

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ СМОЛЕНСКИХ ГОВОРОВ И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА «БАРМА»)

Е. С. Лунькова (Смоленск, Россия)

Особое положение смоленских говоров на диалектологической карте центральной части России отмечают в настоящее время многие исследователи. Смоленские диалект, включающий в себя гомогенные в синхронном языковом отношении смоленские говоры, относится к южнорусскому наречию, однако этот факт требует уточнений. Смоленский диалект занимает особое положение среди других южнорусских говоров, его своеобразие можно объяс-

нить сложностью исторических условий, в которых в течение длительного времени шло формирование диалекта (языковые связи смоленских говоров сложились на основе общности социально-экономических и общественно-политических факторов, обусловивших тесное взаимодействие Смоленской земли с Белорусью и Украиной), а также комплексом факторов, воздействующих на диалект извне. Особые исторические условия, в которых находилась Смоленщина в течение столетий, не могли не сказаться на языковых особенностях региона.

Исторически смоленские говоры восходят к древнекривичскому диалекту и являются родственными псковским, полоцким и – с известными оговорками – новгородским говорам.

Смоленское княжество входило в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского с 1404 по 1514 г., но этот период не был показательным для языковых интерференций: язык смолян не подвергался в то время существенным изменениям. В Великом княжестве Литовском продолжалась традиция языковой дифференциации, характерной для языка Древней Руси: наряду с местным северо-западным вариантом древнерусского языка («среднерусского» языка), который в целом был похож на язык Московской Руси, Новгородской и Псковской республик, при несомненных локальных отличиях, и назывался «русским», продолжал активно использоваться старославянский (церковнославянский) язык. Этот язык испытывал серьезное влияние разговорного и письменного русского языка. В целом же языковая ситуация того времени была благоприятна для сохранения локальных слов и для поддержания диалектных различий.

В начале XVII века, после осады Смоленска, длившейся с 1609 по 1611 г., город перешел под польское владычество и оставался там вплоть до 1654 г. (некоторые земли до 1667 г. и до 1686 г.). Во время столетнего литовского господства русский язык на Смоленской земле не подвергался гонениям, широко использовался в управлении землями и в судопроизводстве. Во время же польского господства русский язык подвергся серьезным преследованиям: во время правления польского короля обязательным во всех сферах стал польский язык, а вслед за веяниями, обусловленными языковой ситуацией в Польше того времени, в письменном производстве на Смоленщине обязательной стала латынь. Эти десятилетия сыграли важную роль в истории региона, являлись в некотором смысле определяющими для формирования языкового вектора развития смоленского диалекта, поскольку изменили этнический состав Смоленского края: польский язык стал проникать в диалектную систему смоленских говоров как непосредственно от поляков, поселившихся на Смоленской земле, так и опосредованно, через старобелорусский язык, который сыграл определенную роль буфера в процессе языковых интерференций. Через польский язык непосредственно (старопольский язык) и через польский язык, преломленный в старобелорусском (фактически – в отдельных частных диалектных системах исторических белорусских говоров) на Смоленщину шло большое количество западноевропейских заимствований. Эти слова естественным образом ассимилировались в русском языке и в русских диалектах, регулярно подвергались разного рода фонетическим и грамматическим трансформациям и продолжали существовать, обладая уже самостоятельным статусом лексических единиц. Недавние заимствования были способны к процессам порождения новых слов – деривации – как русском языке, так и в частной диалектной системе смоленских говоров. Количество дериватов от одного полонизма в смоленских говорах может быть значительным и достигать десятка единиц. Устойчивость существования полонизмов поддерживал тот факт, что этнические поляки и их семьи, переселившиеся на новые территории после 1611 г., остались в Смоленске и в смоленских уездах после изменения территориального статуса региона в 1654 г. навсегда. Для потомков этих поляков Смоленщина стала родиной.

Примечателен факт, что значительная часть как непосредственных, так и опосредованных польских заимствований проникла в свое время в старобелорусский и староукраинский языки, однако в смоленских говорах количество полонизмов значительно ниже, чем в указанных языках. Очевидно, роль «буферной» зоны, которую сыграл старобелорусский язык по

отношению к смоленским говорам (что, в свою очередь, было обусловлено тесными экономическими и культурными связями Смоленского края и белорусских земель), требует более пристального внимания.

Группа лексических параллелей из смоленских говоров, находящих соответствия с белорусским языком и пограничными белорусскими говорами, включает на сегодняшний день 120 слов, что составляет около 10 % от общего количества диалектных непроемных существительных с конкретно-предметным значением, распространенных в смоленских говорах (на данный момент отмечено около 1200 единиц с заданной конкретно-предметной семантикой), и 25 % от слов, которые так или иначе находят соответствие в смоленских говорах и в белорусском литературном языке или пограничных белорусских говорах (475 единиц). Число лексических единиц может быть скорректировано в дальнейшем с учетом новых полевых исследований, но вряд ли претерпит серьезные изменения.

Примером сложных исторических путей развития смоленских диалектизмов может выступить слово «барма» из данной группы, зафиксированное в «Словаре смоленских говоров» [5].

Это слово встречается как в белорусском литературном языке [12], так и в пограничных для Смоленщины белорусских говорах – витебских [10, 11]. В пограничных могилевских говорах, по нашим сведениям, слово отсутствует [8, 9].

Лексические значения слова «барма» отличаются во всех трех языковых образованиях. Объясняется этот факт тем, что в истории языка слово, по всей видимости, входило в одно словообразовательное гнездо (или в близкородственные гнезда в частных диалектных системах (ЧДС)). С точки зрения синхронного анализа слова по-прежнему сохраняют семы, которые позволяют их соотносить, но лексические значения разошлись уже достаточно далеко, что потенциально может свидетельствовать к переходу к омонимам в каждой из ЧДС:

- барма́, борма ‘риза священника’ (смол.);
- бармы ‘адносіцца да гісторыі, гістарычны тэрмін Частка княжаскага або царскага ўрачыстага ўбору ў выглядзе наплечнікаў з залатым шывом і каштоўнасцямі’ (Царскія рызы і бармы) (лит. белор.);
- барма ‘кажух, пакрыты сукном; шуба’ (Маці казала, што барму трэба падпаясаць) (витеб.).

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [6] слово дается как омоним, ряд его значений далек от интересующих нас – «пена на мёде или фруктово-молочной сиропе при варке», «овод», однако другие значения совпадают: «III. обычно мн. бармы ‘наплечные и нагрудные украшения великих князей’, часто в XIV в.. Предполагается, что слово было заимствовано из др.-исл. *barmr* ‘край, берег’, ср. ср.-в.-н. *brēm* ‘опушка, обивка’. В словаре утверждается, что в русский язык слово вошло через польский язык: в др.-польск. *brama* ‘украшения на руках или ногах женщин’, *bramka* (1493) ‘дорогое украшение на голове или на шее женщины’.

Очевидно, что путь слова из польского языка в русский был связан с ассимиляцией близкородственными белорусскими и русскими говорами. В пользу этого свидетельствует этимологическое значение слова, зафиксированное в Словаре древнерусского языка XI–XVIII вв. [4]: ‘Бармы, Барма – Драгоценное оплечье, украшение княжеского или царского наряда; с конца XV в. одна из необходимых реалий при коронации. А Ивану, сыну моему: кожухъ желтая обирь съ женчугомъ и коць великии с бармами. (Дух и дог. гр., 8, 1339 г.)’

Слово ‘барма’ в значении ‘риза священника’ появилось в смоленских говорах, очевидно, в более позднюю эпоху, чем слово ‘барма’, называющее украшения великих князей в старорусском языке. В пользу этого предположения свидетельствует отсутствие существительного в «Региональном историческом словаре XVI–XVIII веков» [2], где зафиксирован обширный фонд старорусской лексики, бытовавшей на территории Смоленщины.

В словаре Даля [1] словарная статья достаточно обширна: ‘барма, барама, ж. стар. более употребит. бармы мн. оплечья, ожерелья на торжественной одежде со священными изображениями; их носили духовные сановники и наши государи. Риза белая, бармы золотые.’ В статье отмечается, что слово осталось в рязанских и смоленских говорах: в первых со значением

‘оплечье архиерейских риз’, в смоленских с уже известным нам значением ‘риза священника’ Интересна в словаре фиксация производного слова бармица – ‘стар. оплечье, походившее на отложное ожерелье / кольчатый доспех на оплечье, на плеча, грудь и лопатки’. Производные от искомого слова в смоленских говорах не зафиксированы.

Интересно употребление слова в старобелорусском языке [7], где барма и борма – ‘тое, что і барва ў 1 знач. мне ест борма бела дана и зелена (Неба, 68)’ т. е. обозначение колера (цвета). Во 2 значении барма – ‘Вопратка з дарагой, каштоўнай тканіны; ліўрэя; мундзір’.

Созвучно этому употребление слова в старопольском языке [13]:

barwa – 1. ‘color’. 2. Czerwona barwa ‘czerwony barwik, purpura’. 3. Modra barwa ‘tkanina jedwabna niebieskiego czy fioletowego koloru’. Среди ряда значений, приведенных в словаре, находим еще одно, примечательное для нас: ‘5. Piękność – «красота».

В том же томе «Словаре старопольского языка» обнаруживаем слово brama, в том же значении, что и в словаре Фасмера: ‘Brama – ozdoby noszone przez kobiety na nogach (lub rękach)’ (украшения, которые носят женщины на руках или ногах).

Примечателен факт, что в старобелорусском языке сохранились значения обоих слов – и барма, и барва, вероятно, именно из старобелорусского языка слова перешли в этих значениях и в белорусские и смоленские говоры.

В пользу нашего предположения указывает толкование слова в «Словаре русских народных говоров» [3], где среди ряда омонимов (‘овод’; ‘человек, говорящий невнятно, картаво’; ‘болтун, пустомеля’; ‘ленивый, нерадивый человек’; ‘заросший сорняками огород’ и проч.) находим значение ‘риза священника’ с пометой «смол.» – очевидно, что распространение слова в русских говорах восточнее Смоленщины происходит уже с совершенно иными значениями.

Таким образом, можно предположить проникновение слова ‘барма’ из старопольского в старобелорусский язык с последующим распространением в пограничных белорусских и смоленских говорах с трансформацией отдельных сем лексического значения и закреплением смыслов, характерных именно для старобелорусского языка, в данных диалектных системах.

Библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль ; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва : Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004. Т. 1
2. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVII вв. (по памятникам письменности Смоленского края); под ред. Е. Н. Борисовой. Смоленск, Смоленский государственный педагогический университет, 2000. – 368 с.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. М., Л., СПб. : Наука, 1965–2010.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.1–30 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; М., СПб.: Наука, 1975–2015.
5. Словарь смоленских говоров; под ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974. – 2005.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. 4-е изд., стереотип. М. : Астрель – АСТ, 2004.
7. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. – Мінск : Беларуская навука, 1982. Т.1
8. Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мн. : Навука і тэхніка, 1981. – 121 с.
9. Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Вып. 2 Магілёў : МДУ імя А.А.Куляшова, 2005. – 88 с.
10. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Частка 1. УА «ВДУ імя П. А. Машэрава». Віцебск, 2012 – 304 с.
11. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Частка 2. УА «ВДУ імя П. А. Машэрава». Віцебск, 2014 – 358 с.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5 т. Менск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.
13. Słownik staropolski. Pol. akad. nauk; Nacz. red. Stanisław Urbańczyk. – Warszawa, 1953, Tom 1.